

А. Т. Урушадзе

Реформа управления Кавказом 1844–1845 гг. в правительственных дискуссиях и публичной сфере*

В ноябре 1844 г. новороссийский генерал-губернатор М. С. Воронцов был призван императором Николаем I на новую должность кавказского наместника. Вслед за этим последовала правительственная дискуссия о месте кавказского наместника в системе государственного управления и границах его административных прав и привилегий. События и решения рубежа 1844–1845 гг. заложили основу новой модели управления южной окраиной империи. Наместники руководили регионом до 1881 г., а затем вновь возглавляли местную администрацию в 1905–1917 гг. Это позволяет считать назначение Воронцова первым кавказским наместником масштабной реформой управления, которая имела долговременные последствия.

Назначение Воронцова на Кавказ получило различные интерпретации в историографии. В оценках отечественных авторов начала XX в. «учреждение наместничества» являлось антикризисной мерой, с помощью которой Николай I надеялся улучшить положение на южной окраине империи. Как отметил В. Н. Иваненко, «Кавказ, погубивший репутации Ермолова, Розена, Гана, Головина и Нейдгардта, обратил на себя тревожное внимание государя»¹.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 23-18-00649 «Формирование публичной сферы в России второй половины XVIII – первой половины XIX в.: коммуникативные практики и каналы социального взаимодействия»; <https://rscf.ru/project/23-18-00649/>

С. С. Эсадзе подчеркнул, что «мотивы учреждения наместничества нигде в точности не объяснены», но смысл присвоения Воронцову статуса наместника историк видел в выражении этим актом полного доверия императора². Наконец, Н. Г. Макиевский-Зубок считал причиной создания наместничества систематические проблемы в устройстве гражданской администрации на Кавказе³.

Классик советской историографии Н. П. Ерошкин, напротив, отмечал, что наместничество на Кавказе как специфическая форма административной автономии стало результатом постоянной военной тревоги в регионе: частые войны с Османской империей, Персией и бесконечная Кавказская война⁴. Сходную оценку еще ранее высказал А. Ш. Мильман, по мнению которого, «для быстрого завершения войны с горцами, усиления кавказской администрации и приближения ее к целям колониального освоения края царское правительство решило расширить полномочия главы российской администрации на Кавказе... учредило кавказское наместничество»⁵.

В современной российской историографии «создание наместничества» интерпретируется как способ преодоления системного кризиса на Кавказе, достигшего своей высшей точки в середине 1840-х гг.⁶ В исследованиях С. С. Лазаряна сформулирована оценка, согласно которой «возобновление института Кавказского наместничества» стало «логическим завершением процесса формирования наиболее адекватной обстоятельствам административно-правовой системы»⁷.

Принципиальная другая интерпретация представлена в работах американского историка Э. Райнлендера, по мнению которого, Николай I самостоятельно и единолично принял решение об учреждении наместничества и сделал это исключительно для того, чтобы предложить это место Воронцову. При этом, как отметил Райнлендер, Николай I не оценил значимости долговременных последствий учреждения должности наместника с широкими административными правами и привилегиями⁸.

Райнлендер особо подчеркнул, что военно-политическая ситуация на Кавказе осенью 1844 г. не была хуже, чем раньше⁹. Николай I, как отмечал Райнлендер, принял решение о назначении наместника внезапно, что привело к исключению петербургской бюрократии из процесса определения полномочий нового регионального начальника и принципов его взаимоотношений с остальными институтами управления¹⁰.

В историографии представлены несколько различающихся интерпретаций обстоятельств назначения Воронцова кавказским наместником. В отечественной историографии с регулярностью воспроизводится оценка, в соответствии с которой назначение императорского наместника стало следствием военных и административных неудач империи на Кавказе. Ухудшавшееся политическое положение на южной окраине вынудило Николая I пойти на радикальные перемены. Соответственно, Райнлендер указывает на учреждение наместничества как на случайность, вызванную желанием императора «нанять на эту работу» графа Воронцова.

Представляется, что для понимания комплекса условий и мотиваций действующих лиц в эпизоде назначения Воронцова кавказским наместником необходим другой подход. Любое политическое назначение в абсолютной монархии — это результат борьбы, противостояния придворных групп или отдельных посредников-лоббистов (фаворитов). Необходимо учитывать, что даже самый талантливый и деятельный абсолютный монарх управлял большой страной посредством ближайшего окружения (двора, близких бюрократов или генералов)¹¹. Именно в этом контексте следует рассмотреть и назначение Воронцова, которое, по оценке наиболее известных современников-мемуаристов, стало крупнейшим политическим событием в жизни столицы империи в конце 1844 — начале 1845 г.¹²

На этом примере видно, как правительственные дискуссии сопровождались появлением слухов и толков в публичной сфере. Под «публичной сферой» в статье понимается не идеальный тип «буржуазной публичной сферы», представленный в известном исследовании Ю. Хабермаса¹³, а значительно более узкий коммуникативный круг столичной публики: аристократия, бюрократическая элита и чиновничество.

Николай I и управление империей

Назначение Воронцова кавказским наместником являлось решением Николая I, поэтому необходимо хотя бы кратко рассмотреть особенности политической стратегии и управленческого стиля императора. Николай I был одним из немногих представителей династии Романовых, прилагавших систематические усилия к личному участию в делах управления огромной империи¹⁴. Император последовательно сохранял возможности личного участия в управлении обширной империей, в том числе ее южной окраиной. Это стало условием появления в николаевскую эпоху различных вариантов «института самодержца»¹⁵, т.е. личных агентов императора, которые позволяли Николаю I преодолевать управленческую монополию растущей бюрократии во главе с министрами. По словам Л. Е. Шепелёва, «министр был для императора не только доверенным лицом, но и основным докладчиком, главным поставщиком сведений о состоянии той или иной сферы государственной или общественной жизни. Сами министры всегда оберегали эту информационную монополию»¹⁶. Это важное аналитическое замечание необходимо дополнить мемуарным свидетельством К. И. Фишера, которое показывает, что отдельные николаевские министры чувствовали самодержавный настрой императора и показательно стремились к символическому статусу личных агентов царя, а не к самостоятельности бюрократических лидеров. Речь идет о министре финансов Ф. П. Вронченко (1844–1852), сменившем на это посту Е. Ф. Канкрин. По свидетельству К. И. Фишера, Вронченко уверил Николая I, что тот «сам отличный министр финансов и что ему нужен только секретарь»¹⁷. Фишер считал, что в этом проявлялись глупость и лакейство Вронченко, однако,

как показано выше, смысл поведения министра финансов мог быть глубже и рациональнее.

Политический императив Николая I — управлять самостоятельно, а не только утверждать решения министров — воплотился в возросшей роли императорской канцелярии, и особенно в его III Отделении, созданном уже летом 1826 г. и находившемся, как известно, вне общей системы государственных учреждений¹⁸. В исследовании П. Мустонена система управления николаевской России, в которой ведущую роль играли личные агенты самодержца (или личные агентства самодержца), интерпретируются как эффективная, но архаичная, средневековая¹⁹. Такой подход основан на известных рассуждениях М. Вебера о специфике патримониального управления как пространстве появления «доверенных позиций при государе с невиданной властью». Исторические примеры патримониального управления Вебер находил в средневековых политиях Востока и Запада (сёгун, майордом, великий визирь)²⁰.

Патримониальное управление в данной схеме выступает антиподом бюрократического рационального и беспристрастного управления, сформировавшегося в XVIII–XIX вв. Однако на развитие государства, как отметил Ю. Остерхаммель, влияют многочисленные внешние факторы (войны, революции, лояльность населения)²¹. Очевидно, что на подход Николая I к управлению империей повлиял политический кризис декабря 1825 г.²² Таким образом, николаевская модель управления с личными агентами самодержца — это не архаика, а разновидность патримониальной рациональности, которая не вписывается в теоретические построения Вебера.

Управление Кавказом накануне назначения Воронцова

В 1838–1840 гг. в «кавказских делах» Николай I возлагал большие надежды на двух человек — генерала П. Х. Граббе и сенатора П. В. Гана. Первый должен был разгромить Шамиля на Северном Кавказе; второй — провести большую административную реформу в Закавказье. Однако ни Граббе, ни Ган не смогли в полной мере оправдать доверие императора. Шамиль после отступления от Ахульго в 1839 г. ушел в Чечню, где нашел необходимые ресурсы для продолжения войны. В 1840, 1841 и 1842 гг. Граббе предпринял три попытки разгромить Шамиля, но все они закончились безрезультатно. К 1843–1844 гг. Шамиль смог создать обширное и сильное государство, как отметил В. В. Дегоев, «его власть и влияние простирались на весь горный Дагестан, горную Чечню, значительную часть плодородной чеченской плоскости»²³.

Неудачей обернулась и административная реформа Закавказья. Новый порядок управления вводился с 1 января 1841 г. и поначалу все шло по плану П. В. Гана, который в течение года успел получить щедрые награды от императора и находился в большом фаворе. Но вскоре с южной окраины стали приходить тревожные новости. По Кавказу прокатилась волна недовольства, в Гурии вспыхнуло большое восстание.

В 1842 г. Николай I отправил на Кавказ с ревизией военного министра А. И. Чернышева и статс-секретаря М. П. Позена. Именно Чернышев и Позен играли ключевые роли в управлении Кавказом накануне назначения Воронцова кавказским наместником. Ведущее положение Чернышева вполне объяснимо его высоким статусом военного министра и неформальным положением. Чернышев был близок и Александру I, и Николаю I и часто оказывался незаменимым человеком для самых разнообразных поручений, от дипломатических миссий до разработки новых административных регламентов. Чернышев был сильной фигурой и в совершенстве владел навыками придворно-политической интриги²⁴.

Позен являлся одним из ближайших помощников Чернышева по делам гражданского управления. По замечанию А. В. Мамонова, Позен «в правящих кругах Российской империи был весьма оригинальной и незаурядной фигурой»²⁵. Он родился в еврейской семье, но отказался от иудаизма и крестился в лютеранство. Карьерный взлет Позена связан с его переводом на службу чиновником для особых поручений у князя А. И. Чернышева в 1828 г. В придворных кругах хорошо знали о ключевой роли Позена в работе Военного министерства²⁶.

В августе 1842 г. по горячим следам проведенной ревизии Позен и Чернышев подготовили пространный документ — «Предположение о порядке высшего управления делами Закавказского края»²⁷. В проекте Позена — Чернышева все управление регионом было представлено в виде трехуровневой пирамиды: уездный уровень, губернский/областной, высший²⁸. Показательно, что проект Позена — Чернышева основывался на типичной для правительственных дискуссий первой половины XIX в. идее баланса двух принципов управления — единоначалия и коллегиальности²⁹.

Принципиальной новацией проекта Позена — Чернышева стало предлагаемое создание петербургских институтов управления Кавказом. Взамен Комитета по устройству Закавказского края, существовавшего в различном составе с 1833 г. и занимавшегося разработкой региональной административной реформы, учреждался Комитет по делам Закавказского края с расширенным функционалом: «Впредь этот Комитет должен заниматься рассмотрением всех вообще дел гражданского ведомства Закавказского края. В оный будут поступать все предметы частей исполнительной и законодательной, различаясь только в порядке направления и обработки»³⁰.

При этом для «обработки» законодательных предположений, инициируемых со стороны императора, в составе СЕИВК создавалось дополнительное VI Временное отделение, которое должно было стать политическим штабом по интеграции Кавказа в пространство империи³¹.

В этой конфигурации наиболее влиятельной фигурой оказывался главноуправляющий VI Временным отделением СЕИВК, который одновременно являлся одним из членов Комитета по делам Закавказского края. Место главноуправляющего VI Временным отделением СЕИВК предназначалось Позе-

ну. Статс-секретарь оказывался у руля управления Кавказом при формальном первенстве в Комитете военного министра Чернышева. Все предположения по организации управления регионом в столице получили поддержку императора Николая I и были закреплены в указе Сенату от 30 августа 1842 г.³²

В том же году существенно расширились полномочия кавказского главноуправляющего. Позен в августе — октябре 1842 г. подготовил основу для «Наказа Главному управлению Закавказским краем», который был утвержден императором в ноябре того же года. Согласно «Наказу», кавказский главноуправляющий превращался в почти полновластного хозяина края: «Ему поручены все без изъятия части управления, дано полное право надзора и разрешения всех случаев, не требующих нового закона; предоставлено определять и увольнять всех чиновников, даже высших, и высылать из края вредных лиц»³³.

Еще одним документом, расширявшим полномочия начальника региональной администрации, стала «Памятная записка, составленная Николаем I для главного начальника Кавказского края генерал-адъютанта Нейдгардта с программой его деятельности по военной, государственной и дипломатической части»³⁴.

Неудачные экспедиции Граббе, вероятно, привели Николая I к мысли о необходимости изменения военной стратегии на Кавказе. Нейдгардт получил от императора такие инструкции: «Не хочу никаких завоеваний, и мысль об оных считаю преступною. Хочу упрочения нашего владычества над краем, где признаю его покуда крайне шатким и не верным»³⁵. В этом же документе Николай подчеркнул особый статус Нейдгардта как главного военного и гражданского начальника края: «Главный начальник есть мое доверенное лицо; он пользуется обширной властью и мне одному дает отчет в своих действиях»³⁶.

Таким образом, в управлении Кавказом в 1842–1844 гг. сложился триумvirат из военного министра Чернышева, управляющего Временным отделением СЕИВК Позена и главноуправляющего Нейдгардта. Все три фигуры обладали широкими полномочиями и пользовались доверием Николая I, который, с одной стороны, находился вне этого триумvirата, но, с другой стороны, был главным связующим элементом этой расстановки сил.

Назначение Воронцова

Доверие императора и большие полномочия не вдохновили Нейдгардта на активные действия. Возможно, пассивность главноуправляющего объяснялась расстроенным здоровьем. Осенью 1844 г. ему стали искать замену. По воспоминаниям чиновника А. А. Харитонова, первоначально Николай I предложил место Нейдгардта генералу Д. А. Герштенцвейгу, но тот отказался, сославшись на болезнь³⁷. Военный министр Чернышев предлагал императору кандидатуры генералов Д. Е. Остен-Сакена и Н. А. Долгорукова. Однако ни тот, ни другой не устроили Николая I³⁸. Наконец, шеф жандармов и один из ближайших сподвижников императора А. Ф. Орлов обратил внимание царя на новороссийского генерал-губернатора М. С. Воронцова³⁹.

Дальше Николай I, очевидно, действовал быстро и самостоятельно. Опасаясь, что Воронцов как человек, «обладавший морально и материально всем, что только может льстить человеческому тщеславию и самолюбию»⁴⁰, может отказаться от нового назначения, император предложил ему особые условия. В высочайшем рескрипте Воронцову отмечено: «Зная ваше всегдашнее пламенное усердие к пользам государства, выбор мой пал на вас, в том убеждении, что вы, как главнокомандующий войск на Кавказе и наместник мой в сих областях с неограниченным полномочием, проникнутые важностью поручения и моим к вам доверием, не откажетесь исполнить мое ожидание»⁴¹.

Николай I предлагал Воронцову новую должность кавказского наместника. Символически должность наместника значила больше поста генерал-губернатора или главноуправляющего. В 1844 г. в Российской империи был только один наместник — наместник Царства Польского И. Ф. Паскевич, известный царский любимец. Должность кавказского наместника сопрягалась с «неограниченным полномочием», ни один из предшественников Воронцова не получал подобного кредита. Кроме того, Воронцов сохранял за собой прежнюю должность новороссийского генерал-губернатора и это уникальный случай в истории государственного управления Российской империи.

Все это было большой неожиданностью для Позена, Чернышева и столичной бюрократии. Тем не менее пока Николай I не давал поводов для мыслей о масштабном реформировании системы управления южной окраиной. В декабре 1844 г. Позен, вероятно, чувствовал себя уверенно и рассчитывал, что изменения коснутся лишь смены названия должности кавказского начальника с главноуправляющего на наместника. Именно Позену император поручил подготовку нового специального рескрипта с описанием полномочий кавказского наместника и механизма его взаимодействия с правительством⁴².

Пока Позен составлял рескрипт, Воронцов в начале января 1845 г. приехал в Петербург и стал главной темой публичных обсуждений. «Куда ни приезжайте, о чем ни заговорите, речь непременно сведется на Кавказ и нашего петербургского гостя, и в этом говоре услышите вы повсюду одобрительное сочувствие с новым назначением знаменитого воина и воспоминание о его прежних славных подвигах...» — отмечал современник⁴³.

Воронцов приехал в Петербург как полководец-триумфатор, его назначение связывали с началом нового этапа в политике на Кавказе. Чиновники передавали наместнику многочисленные прошения о переводе под его начало, а также проекты замирения и обустройства южной окраины. Коллежский асессор Овощников подготовил пространную записку «О Кавказском крае», в которой перечислял меры для того, чтобы «связать нужды России с Грузией»⁴⁴.

Московский мещанин Александр Тимофеев настойчиво пытался обратить на себя внимание Воронцова многочисленными письмами, в которых он просил наместника снабдить его деньгами и полномочиями для «заведения в горах заводской торговой промышленности»⁴⁵. В одном из писем наместнику Тимофе-

ев описал публичную репутацию Воронцова: «Обнадеженный в С.-Петербурге значительными особами, что вы добры и ценители усердных и предприимчивых людей, что я на пользу отечества получу от вашего сиятельства всевозможные средства и ограждения от притеснений»⁴⁶.

Восторженный прием Воронцова в столице усилил его политические позиции. В Петербурге были уверены, что знатный, богатый и популярный Воронцов не станет делиться властью с Позеном, который вызывал у столичной публики презрение и зависть⁴⁷. В этих условиях произошло короткое, но показательное служебно-иерархическое столкновение между Воронцовым и Позеном. В современной историографии этот эпизод иногда ретушируется в целях придания образу Воронцова еще больше благородного лоска⁴⁸. Однако без его анализа трудно понять логику принятых Николаем I решений.

Наиболее обстоятельно столкновение Воронцова и Позена изложено в воспоминаниях А. А. Харитонова, которые оказали огромное влияние на интерпретацию этих событий в историографии⁴⁹. Согласно этому свидетельству, Чернышев буквально натравил Воронцова на Позена, напугав наместника тем, что тому придется «сноситься по всем делам гражданского управления» с главой VI Временного отделения. Поверив Чернышеву, Воронцов, по воспоминаниям Харитонова, умело спровоцировал Позена на неосторожные слова о том, что наместник желает присвоить себе царскую власть. Чернышев и Воронцов подали Николаю I опрометчивые слова статс-секретаря в выгодном им свете и тем самым завершили карьеру Позена⁵⁰.

Свидетельство Харитонова — яркий и красноречивый источник, но архивные свидетельства его существенно дополняют. Пространством столкновения Воронцова и Позена стало содержание высочайшего рескрипта, который должен был в общих чертах определить место кавказского наместника в системе государственного управления империи.

Позен рассматривал назначение Воронцова как органичное продолжение тех изменений в системе управления Кавказом, которые стали следствием ревизии 1842 г. и проходили под полным контролем статс-секретаря. Скорее всего, в представлении Позена кавказский наместник Воронцов являлся преемником главноуправляющего Нейдгардта, но не более того. Об этом можно судить по проекту высочайшего рескрипта, подготовленному Позеном: «Наместнику по управлению всем вверенным ему краем пользоваться теми же правами, кои были предоставлены главноуправляющему»⁵¹. В дополнение к этому кавказский наместник получал возможность решения «текущих дел», относящихся к сфере министерских компетенций. Это в общем виде делало власть наместника «властью министерской, действующей на месте»⁵², что еще раз подчеркивало близость положения наместника и «рядовых» генерал-губернаторов империи.

Этот подход совершенно не устраивал Воронцова, который не рассматривал себя как преемника Нейдгардта. Воронцов подготовил собственный вариант рескрипта. Если проект Позена подчеркивал преемственность статуса

и функций наместника и главноуправляющего, то воронцовский вариант манифестировал разрыв традиции: «Все те дела, которые, по существующему ныне порядку, представлялись от Главного управления Закавказским краем на разрешение министров, предоставляется вам (наместнику. — А. У.) разрешать на месте»⁵³. Важнейшим дополнением был четвертый пункт воронцовского проекта высочайшего рескрипта: «Сверх того предоставляется вам (кавказскому наместнику. — А. У.), когда вы найдете нужным, принимать на месте все меры, обстоятельствами требуемые, донося прямо мне (императору. — А. У.), как о действиях ваших, так и о причинах, к ним вас побудивших»⁵⁴.

Это давало Воронцову беспрецедентные права и полномочия. В таком виде рескрипт резко разрывал связь наместника с предшествующим административным опытом, а главное, делал позицию Позена и возглавляемого им Временного отделения СЕИВК совершенно излишней. Воронцовский проект рескрипта был рассмотрен 27 января 1845 г. на заседании Комитета по делам Закавказского края и принят без существенных изменений⁵⁵. Спустя три дня решение Комитета было утверждено Николаем I. Любопытным свидетельством борьбы различных подходов к содержанию рескрипта является его заглавие при публикации — «О усилении прав главноуправляющего гражданской частью на Кавказе»⁵⁶, в то время как содержание рескрипта было посвящено служебным правам и привилегиям кавказского наместника.

Позен подал в отставку и, по воспоминаниям Харитоновна, причиной стал отказ императора принять статс-секретаря с традиционным личным докладом по средам⁵⁷. Однако с большей вероятностью на решение Позена могло повлиять резкое изменение конфигурации модели управления южной окраины, в которой ключевое место занимал наместник как основной личный агент императора. Честолюбивый Позен, вероятно, тяготился прилипчивой ролью второго плана в системе управления, и Кавказ был для него последней возможностью занять более престижную позицию в правительственной иерархии. Среди современников ближе всего к пониманию мотивов участников этих событий, вероятно, был А. В. Никитенко, который заметил в своем дневнике: «Позен настолько умен и сознателен, что не мог занимать важное место без влияния, а граф Воронцов не мог допустить, чтобы между ним и государем состоял посредником умный человек»⁵⁸.

Столичная публика узнала об отставке Позена 31 января 1845 г. и встретила эту новость «бесконечными толками»⁵⁹. Враждебно настроенное к Позену петербургское общество приветствовало его падение и не скупилось на комплименты Воронцову. По свидетельству М. А. Корфа, многочисленные враги статс-секретаря «возопили, что если бы Воронцову и не удалось ничего сделать на новом его поприще, то одним удалением Позена он уже оказал огромную государственную заслугу государю и России»⁶⁰.

Конфликт с Позеном стал первым, но далеко не последним подобным эпизодом во взаимоотношениях кавказского наместника и центральной бюрократии. Воронцов и его преемники находились в ситуации перманентного противостоя-

ния с министрами по различным вопросам административных прав, привилегий и иерархий. Для Воронцова самым опасным соперником оказался уже упоминавшийся министр финансов Вронченко, отчетливо понимавший управленческий стиль Николая I и опиравшийся на квалифицированные кадры своего ведомства.

* * *

Назначение Воронцова кавказским наместником стало следствием нескольких обстоятельств. Во-первых, расширение прав начальника региональной администрации началось еще в 1842 г. и было связано с результатами ревизии Чернышева — Позена. Во-вторых, остановив свой выбор на кандидатуре Воронцова, Николай I оказался вынужден предлагать что-то новое и эксклюзивное. Таким образом, появление института кавказского наместника в системе государственного управления не было вызвано каким-то кризисом политики империи на южной окраине, как это традиционно отмечается в отечественной историографии. При этом Николай I не имел готового решения проблемы прав и полномочий кавказского наместника. Определить место наместника в системе управления должны были военный министр Чернышев и статс-секретарь Позен при участии Воронцова. Петербургские сановники не были исключены из этого процесса, как полагал Райнлендер. Но в ходе этой коммуникации Позен, выдерживавший линию, определенную в 1842 г., проиграл в борьбе с Воронцовым при враждебном нейтралитете Чернышева.

Появление кавказского наместника в системе управления империей стало возможным благодаря пространству опыта, которое включало как губернскую реформу Екатерины II и административный опыт царствования Александра I, так и проекты, обсуждавшиеся Комитетом 6 декабря 1826 г. Это многослойное пространство опыта во многом определило горизонт ожиданий административной политики самодержавия. Именно в этом отношении появление кавказского наместника в системе имперского управления в 1844 г., а затем вновь в 1905 г. не случайно.

Наконец, надо отметить, что одним из критериев значимости государственных преобразований является их видимость для современников. И здесь назначение Воронцова наместником, безусловно, стало заметным событием, что выводит его из череды рядовых служебных назначений, фиксируемых лишь формально. Столичное общество не только активно реагировало на происходившие изменения, но и не скрывало своих симпатий.

¹ *Иваненко В. Н.* Гражданское управление Закавказьем от присоединения Грузии до наместничества великого князя Михаила Николаевича. Исторический очерк // Утверждение русского владычества на Кавказе. Т. XII / Под ред. В. А. Погто. Тифлис, 1901. С. 347.

- ² Эсадзе С. С. Историческая записка об управлении Кавказом. Т. I. Тифлис, 1907. С. 83.
- ³ Макиевский-Зубок Н. Г. Кавказ и кавказские наместники // Вестник Европы. 1906. № 2 (февраль). С. 633–634.
- ⁴ Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983. С. 183–184.
- ⁵ Мильман А. Ш. Политический строй Азербайджана в XIX — начале XX веков. Баку, 1966. С. 129.
- ⁶ Захарова О. Ю. Светлейший князь М. С. Воронцов. Симферополь, 2004. С. 248–249; Лазарян С. С. Кавказ под управлением князя М. С. Воронцова (1844–1854 гг.). М., 2022. С. 36.
- ⁷ Лазарян С. С. Кавказ под управлением князя М. С. Воронцова. С. 223.
- ⁸ Rhineland A. L. H. Prince Michael Vorontsov. Viceroy to the Tsar. Montreal: McGill-Queen's University Press, 1990. P. 136–137.
- ⁹ Rhineland A. L. H. The Creation of The Caucasian Vicegerency // The Slavonic and East European Review. 1981. Vol. 59, no. 1 (Jan.). P. 16.
- ¹⁰ Ibid. P. 16–17.
- ¹¹ Подробнее см.: Элиас Н. Придворное общество: исследования по социологии короля и придворной аристократии. М., 2002. С. 50–59.
- ¹² Корф М. А. Записки. М., 2003. С. 234–240; Никитенко А. В. Дневник. Т. I. М., 1955. С. 237.
- ¹³ Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы. Исследования относительно категории буржуазного общества. М., 2016.
- ¹⁴ Полиевктов М. А. Николай I. Биография и обзор царствования. СПб., 2019; Высокочков Л. В. Император Николай I. Жизнеописание. СПб., 2022.
- ¹⁵ Мустонен П. Собственная его императорского величества канцелярия в механизме властвования института самодержца, 1812–1858: К типологии основ имперского управления. Хельсинки, 1998. С. 275.
- ¹⁶ Шепелев Л. Е. Чиновный мир России, XVII — начало XX в. СПб., 1999. С. 37.
- ¹⁷ Фишер К. И. Записки сенатора. М., 2008. С. 172.
- ¹⁸ Бибиков Г. Н. Жандармский надзор в системе государственного управления Российской империи (1826–1856). М., 2023. 356 с.
- ¹⁹ Мустонен П. Собственная его императорского величества канцелярия в механизме властвования института самодержца, 1812–1858. С. 298–301.
- ²⁰ Вебер М. Патриархальное и патримониальное господство // Ойкумена: Альманах сравнительных исследований политических институтов, социально-экономических систем и цивилизаций. Вып. 9. Харьков, 2012. С. 183–248.
- ²¹ Остерхаммель Ю. Преображение мира. История XIX столетия. Т. II. М., 2024. С. 465.
- ²² Андреева Т. В. Государственное управление России в начале царствования Николая I: к проблеме преемственности и различия в правительственной преобразовательной политике // Петербургский исторический журнал. 2017. № 2. С. 34.
- ²³ Дезоев В. В. Имам Шамиль: пророк, властитель, воин. М., 2001. С. 157.
- ²⁴ Менинг Б. А. И. Чернышев: русский Ликиург // Русский сборник. Т. 7: Военная политика императора Николая I. М., 2009. С. 88–89.
- ²⁵ Мамонов А. В. Несостоявшийся идеолог «оттепели» М. П. Позен // Российская история. 2022. № 4. С. 82.
- ²⁶ Корф М. А. Дневники 1838 и 1839 гг. М., 2010. С. 283.
- ²⁷ Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 1268. Оп. 1. Д. 314. Л. 1–10.
- ²⁸ Там же. Л. 1.
- ²⁹ Раскин Д. И. Единоначие и коллегиальность как административный принцип в законотворческой деятельности М. М. Сперанского // Петербургский исторический журнал. 2023. № 2. С. 102–111.
- ³⁰ РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 314. Л. 7.
- ³¹ Там же. Л. 8.

- ³² Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗРИ). Собрание II. Т. XVII. Ч. 1. СПб., 1842. С. 891–892.
- ³³ Наказ Главному управлению Закавказским краем. СПб., 1842. С. 32.
- ³⁴ Российский архив: история Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв., 2003. С. 375–379; Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. 672. Оп.1. Д. 84. Л. 1–9.
- ³⁵ ГА РФ. Ф. 672. Оп. 1. Д. 84. Л. 1.
- ³⁶ Там же. Л. 8.
- ³⁷ Из воспоминаний А. А. Харитонова // Русская старина. 1894. Т. LXXXI, № 2. С. 104.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ Корф М. А. Записки. С. 343.
- ⁴¹ Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. X. Тифлис, 1885. С. I.
- ⁴² РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 671а. Л. 1.
- ⁴³ Успенский И. Проводы графа М. С. Воронцова на Кавказ. Ставрополь, 1912. С. 3.
- ⁴⁴ Центральный исторический архив Грузии. Ф. 4. Оп. 3. Д. 12. Л. 30.
- ⁴⁵ Там же. Л. 6.
- ⁴⁶ Там же. Л. 46.
- ⁴⁷ Корф М. А. Дневники 1838 и 1839 гг. С. 283–284.
- ⁴⁸ Лазарян С. С. Кавказ под управлением князя М. С. Воронцова. С. 228–229.
- ⁴⁹ См., например: *Rhinelander A. L. H. Prince Michael Vorontsov*. P. 140–144.
- ⁵⁰ Из воспоминаний А. А. Харитонова. С. 104–110.
- ⁵¹ РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 671а. Л. 56.
- ⁵² Там же. Л. 57.
- ⁵³ Там же. Л. 61.
- ⁵⁴ Там же. Л. 62.
- ⁵⁵ Там же. Л. 65–66.
- ⁵⁶ ПСЗРИ. Собрание II. Т. XX. Ч. I. СПб., 1846. С. 151–152.
- ⁵⁷ Из воспоминаний А. А. Харитонова. С. 104–110.
- ⁵⁸ Никитенко А. В. Дневник. Т. I. С. 237.
- ⁵⁹ Там же.
- ⁶⁰ Корф М. А. Записки. С. 240.

References

Andreeva, T. V. Gosudarstvennoe upravlenie Rossii v nachale tsarstvovaniya Nikolaya I: k probleme preemstvennosti i razlichiya v pravitel'svennoi preobrazovatel'noi politike [State Administration of Russia at the Beginning of the Reign of Nicholas I: on the problem of Continuity and Differences in Government transformative Policy. In Russ.]. In *Peterburgskii istoricheskii zhurnal*. 2017. No. 2, pp. 30–54.

Bibikov, G. N. *Zhandarmskii nadzor v sisteme gosudarstvennogo upravleniya Rossiiskoi imperii (1826–1856)* [Gendarmerie Supervision in the System of Public Administration of the Russian Empire (1826–1856). In Russ.]. Moscow, Kvadriga publ., 2023. 356 p.

Degoev, V. V. *Imam Shamil': prorok, vlastitel', voin* [Imam Shamil: Prophet, Ruler, Warrior. In Russ.]. Moscow, Russkaya panorama publ., 2001. 448 p.

Elias, N. *Pridvornoe obshchestvo: issledovaniya po sotsiologii korolya i pridvornoi aristokratii* [Court Society: studies on the sociology of the King and the court aristocracy. In Russ.]. Moscow, Yazyki slavyanskoï kul'tury publ., 2002. 366 p.

Eroshkin, N. P. *Istoriya gosudarstvennykh uchrezhdenii dorevolyutsionnoi Rossii* [The History of State Institutions in Pre-Revolutionary Russia. In Russ.]. Moscow, Vysshaya shkola publ., 1983. 352 p.

Habermas, J. *Strukturnoe izmenenie publichnoi sfery. Issledovaniya otnositel'no kategorii burzhuaznogo obshchestva* [Structural Change in the Public Sphere. Research on the Category of Bourgeois Society. In Russ.]. Moscow, Ves' mir publ., 2016. 344 p.

Lazaryan, S. S. *Kavkaz pod upravleniem knyazya M. S. Vorontsova (1844–1854 gg.)* [The Caucasus under the Rule of Prince M. S. Vorontsov (1844–1854). In Russ.]. Moscow, Prospekt publ., 2022. 768 p.

Mamonov, A. V. Nesostoyavshiysya ideolog “ottepeli” M. P. Pozen [The Failed Ideologist of the “Ottepel” M. P. Posen. In Russ.]. In *Rossiiskaya istoriya*. 2022. No. 4, pp. 81–95.

Menning, B. A. I. Chernyshev: russkii Likurg [A. I. Chernyshev: the Russian Lycurgus. In Russ.]. In *Russkii sbornik. T. 7: Voennaya politika imperatora Nikolaya I*. Moscow, 2009. P. 80–102.

Mil'man, A. Sh. *Politicheskii stroi Azerbaidzhana v XIX — nachale XX vekov* [The Political System of Azerbaijan in the 19th — early 20th Centuries. In Russ.]. Baku, Azerneshr publ., 1966. 318 p.

Mustonen, P. *Sobstvennaya ego imperatorskogo velichestva kantselyariya v mekhanizme vlastovovaniya instituta samoderzhtsa, 1812–1858: K tipologii osnov imperskogo upravleniya* [His Imperial Majesty's Own Chancellery in the Mechanism of the Autocrat's Institution, 1812–1858: Towards a Typology of the Foundations of Imperial Governance. In Russ.]. Helsinki, Aleksanteri inst., Cop., 1998. 357 p.

Osterkhammel', YU. Preobrazhenie mira. Istoriya XIX stoletiya [The Transformation of the World. The History of the 19th Century. In Russ.]. Vol. II. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie publ., 2024. 576 p.

Raskin, D. I. Edinonachalie i kollegial'nost' kak administrativnyi printsip v zakonotvorcheskoi deyatelnosti M. M. Speranskogo [Unity of Command and Collegiality as an Administrative Principle in M. M. Speransky's Legislative Activity. In Russ.]. In *Peterburgskii istoricheskii zhurnal*. 2023. No. 2, pp. 102–111.

Rhinelander, A. L. H. *Prince Michael Vorontsov. Viceroy to the Tsar*. Montreal: McGill-Queen's University Press, 1990. 304 p.

Rhinelander, A. L. H. The Creation of The Caucasian Vicegerency. In *The Slavonic and East European Review*. 1981. Vol. 59, no. 1 (Jan.), pp. 15–40.

Shepelev, L. E. *Chinovnyi mir Rossii, XVII — nachalo XX v.* [The Official World of Russia, 17th — early 20th Century. In Russ.]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPb publ., 1999. 477 p.

Vyskochkov, L. V. *Imperator Nikolai I. Zhizneopisanie* [Emperor Nicholas I. Biography. In Russ.]. St. Petersburg, Nauka, 2022. 422 p.

Weber, M. Patriarkhal'noe i patrimonial'noe gospodstvo [Patriarchal and Patrimonial Domination. In Russ.]. In *Oikumena: Al'manakh sravnitel'nykh issledovaniy politicheskikh institutov, sotsial'no-ekonomicheskikh sistem i tsivilizatsii*. Iss. 9. Khar'kov, 2012. P. 183–248.

Zakharova, O. Yu. *Svetleishii knyaz' M. S. Vorontsov* [Prince M. S. Vorontsov. In Russ.]. Simferopol', Biznes-Infom publ., 2004. 308 p.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

А. Т. Урушадзе. Реформа управления Кавказом 1844–1845 гг. в правительственных дискуссиях и публичной сфере // Петербургский исторический журнал. 2025. № 4. С. 148–161.

DOI: 10.51255/2311-603X_2025_4_148

Аннотация: Статья посвящена реформе управления Кавказом в 1844–1845 гг. Это преобразование было связано с назначением М. С. Воронцова на должность кавказского наместника с широкими административными правами и привилегиями. В статье предложен новый подход к анализу этого исторического события. Во-первых, подчеркивается, что расширение прав начальника региональной администрации произошло еще в 1842 г. Во-вторых, утверждается, что, приняв решение назначить на Кавказ М. С. Воронцова, император Николай I был вынужден сформулировать особые условия этого назначения. Это стало неожиданностью для статс-секретаря М. П. Позена, под контролем которого проходили преобразования регионального управления. Административные права и прерогативы кавказского наместника были определены в результате дискуссии о содержании высочайшего рескрипта кавказскому наместнику. Статья основана на материале как опубликованном, так и архивных исторических свидетельств.

Ключевые слова: Российская империя, кавказский наместник, государственное управление.

FOR CITATION

**A. T. Urushadze. The Caucasus Governance Reform of 1844–1845 in Government Discussions and the Public Sphere // Petersburg Historical Journal, no. 4, 2025, pp. 148–161.
DOI: 10.51255/2311-603X_2025_4_148**

Abstract: The article is devoted to the reform of the administration of the Caucasus in 1844–1845. This transformation was connected with the appointment of M. S. Vorontsov to the post of the Caucasian governor with broad administrative rights and privileges. The article offers a new approach to the analysis of this historical event. Firstly, it is emphasized that the expansion of the rights of the head of the regional administration occurred as early as 1842. Secondly, it is argued that after deciding to appoint Mikhail Vorontsov to the Caucasus, Emperor Nicholas I was forced to formulate special conditions for this appointment. This came as a surprise to State Secretary M. P. Posen, who supervised the transformation of the regional administration. The administrative rights and prerogatives of the Caucasian governor were determined as a result of a discussion about the contents of the supreme rescript to the Caucasian governor. The article is based on both published and archived historical evidence.

Key words: Russian Empire, Caucasian Viceroy, State Administration.

Автор: Урушадзе, Амиран Тариелович — к. и. н., старший научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения РАН, докторант Санкт-Петербургского института истории РАН.

Author: Urushadze, Amiran Tarielovich — PhD in History, Senior Researcher at the Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Doctorant at the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg — St. Petersburg, Russia).

E-mail: urushadze85@mail.ru

ORCID: 0000-0003-4624-007X